

Лидия Сычева

ПОСЛЕДНИЙ БЛОКПОСТ

Очерки

Лидия Сычева

Последний блокпост

«ЛитРес: Самиздат»

2002

Сычева Л. А.

Последний блокпост / Л. А. Сычева — «ЛитРес: Самиздат»,
2002

Герои книги – матрос с «Курска» Николай Павлов и писатель Владимир Солоухин, сельская учительница Мария Алексеевна и чеченская красавица Седа, певица Александра Стрельченко и ветеран Великой Отечественной Иван Кузин, и – каждый из нас, кто жил в России на смене тысячелетий. Место действия: Урус-Мартан и Русский Север, древний Хотмыжж и современная Лазоревка, Москва и Казань. «Последний блокпост» – книга о времени, о народе, о России.

© Сычева Л. А., 2002

© ЛитРес: Самиздат, 2002

Содержание

Телестрасти	5
Кто глупее?	6
Их страсти и наши ужасы	7
СМИ недоработали...	8
Красота – категория социальная	9
Вещание продолжается	10
Неизвестный народ	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Телестрасти

Лазоревка – деревня отцветающая. А давно ли селом была?! Хутора отпочковывались, народ большие семьи водил без опаски и задумчивости, и церковь – из красного кирпича – служила. Нынче молодежь, какая была, разбежалась; колхоз им. Дзержинского на боку; а церковь, закрытая при большевиках, обобранная при Советах, с украденным прошлый год звоном – стоит. На самом высоком лазоревском пригорке. Радист-рационализатор Дима Глазочкин, местный Левша, пристроил на колокольне телеантенну. А что, у церкви все равно перспектив в Лазоревке нету, а место – надежное. Высокое. Вот с него-то и идет на деревню «вещание».

Кто глупее?

Говорят, что народ в России глуп. По телевизору часто говорят. И, мол, вроде потому он глуп, что уж очень сериалы любит смотреть.

И правда, баба Таня Ушкова, бывало, корову свою, кормилицу Ромашку, кое-как подоит, лишь бы свиданье Марии и Виктора Карено не пропустить. Но глупа ли баба Таня, вырастившая в одиночку двух хороших деток (муж от рака помер)? Сомневаюсь. И что же, спрашивается, не порадоваться ей чужому личному счастью? И потом задумаемся, кто глупее: кто смотрит или кто показывает?! То-то...

Конечно, местных новостей в Лазоревке нынче дефицит. В основном кто чем болеет, кто чем лечится, да кто от чего помер. Мало созидательности, движения. Вот и обсуждает народ заграничную жизнь. Антон Костин, бывший скотник, в очереди у ларька с хлебом возмущается:

– Вроде бы у нас своих быков нету!

– Вот-вот, – подхватывает Шабалатов, еще один пенсионер, друг Костина, – такую муру показывают: мясной король, да семья, да наследство, да всё одно и то же, – и плюет. Но сериал бразильский, про сельское хозяйство, товарищи смотрят исправно, по часам. Утром и вечером. Потому как лазоревские быки давно уже не в киношном виде – еле ногами двигают. И скотник Сережа Лебедев, вечно небритый мужчина лет сорока, с неухоженными волосами, в обвисших на коленях спортивных штанах, пьяный, шатается все чаще мимо фермы. А в ушах у него – наушники. Музыку слушает. Эстет...

Их страсти и наши ужасы

Зима как заходит, вечера в Лазоревке длинные. Антон Костин и жена его Настя, погружаются в латиноамериканские страсти. Настя, женщина много пережившая, глуховата. Сумбурный, быстрый перевод в сценах объяснения героев недослышит. Спрашивает у мужа:

– Антон, ну а че она к нему пристаёт?

– Чё, чё... – Антон думает, как ему перевести: “Я знаю, я видела, ты с ней спал, я никогда тебе этого не прощу” и т.п.

– Жить без него не может, вот чё, – находится он.

– О-ё-ё, – возмущается Настя, – нагребла денег, надурила его, а теперь жить не может!

Пошли титры. Супруги выключают телевизор, оберегая его от лишней нагрузки. Но обсудить бразильскую жизнь в подробностях, посочувствовать ихним горестям Костины не успевают: тут как тут баба Рая Лебедева, соседка. Старая, а на ногу быстрая. Примчалась поднять большую тему:

– Что делать с Сережкой? Пье, и пье, и пье, зараза. Алименты той семье платим, а ему кажем: живи, живи с Валентиною! Свататься в субботу придут к ее девке, а отчима нету, пье. Он же, сатана, ехал на велосипеде и в яму, что под воду роют, рухнул и кричит зятю будущему, Юрке, – доставай. Тот вытяг, велосипед целый, а у Сережки палец на руке вывихнутый. А Валентина, она ж его терпит тока из-за хаты нашей, а то б выгнала давно. Но она – молоде-е-ец! Молодец! – восхищается бабка Лебедева невесткой, – он лежит пьяный в хате, без движения, она мочалку взяла, с какой в баню ходит, и по морде его – туды-сюды, туды-сюды! А Витьке, внучку, надо сапоги купить. Я кажу Федьке (мужу) – надо хлопцу купить, он же нам помогает. А он: хай Сережка покупает, надо деньги собирать, вдруг какой случай. Оно и правда: и сапоги надо, и сватовство в субботу, хоть бери заем.

Разговоры о займах у баб Раи – одни из любимых. Антон Костин охотно ее поддерживает, но на свой лад:

– Ды вон наши министры тоже денег понабрали – в Америке, у японцев. А чем отдавать теперь, не знают.

– Ая-я-я-яй! – сокрушается баба Рая. – Продадут с потрохами нас! Хана народу!

– Хана, – соглашается Антон и шутит:

– Одним алкашам не страшно, им терять нечего...

СМИ недоработали...

День и ночь внушают Лазоревке по телевизору: хана нам всем или не хана, – от нас самих зависит. От нашего выбора. Так что не ошибитесь! Программу «Время» лазоревцы стали ждать как “Последнюю жертву”: что на этот раз скажет разволнованный правдолюб, то и дело сгла-тывающий слюну? Шофер Суховерхов, из справных, непьющих мужиков, ведущего случайно переименовал. Говорит как-то Суховерхов радисту Глазочкину:

– Дим, ты вчера глядел этого, как его, Пидаренко?

Глазочкин: “Ха-ха-ха!” Язык у него без костей, и как не просил шофер Диму попрердаться, по деревне понеслось: Пидаренко да Пидаренко. Так из-за суховерховской темноты пропала вся агитация.

Ну, ладно. Выборы – вещь серьезная. Соседнее Лазоревке Кашарино – село благополучное, по нынешним временам почти процветающее. А все из-за председателя, Тяглова. Потому как он – хозяин. Газ в Кашарино протянул. Американской кукурузой поля засеял. Клуб молодой семьи открыл. Доехал до Москвы, встретился с Зюгановым, и тот ему ручку с золотым пером подарил. Столько про эту ручку разговоров было – мол, вечная она, чернила в ней сами берутся, заправлять не надо. Одни говорили, что ручка импортная, а другие рассказывали, что наоборот, ручка наша, но царских времен, и потому такая качественная.

Но бог с ней, с ручкой. Решил Тяглов выдвинуться, стать депутатом Госдумы.

А тяжело человеку без привычки в политику лезть. То дебаты на местном ТВ, то ком-проматы в газетах, то речи на сходках. После одного такого дня сидел Тяглов вечером по-домашнему, в одних трусах, ужинал. Люська, жена, видя его утомленное состояние, одну чарку поднесла, другую... Тяглов – стати осанистой, номенклатурной, но тут его что-то развезло. Глаза налились обидой, кровью. Встал, и ни слова ни говоря, – к порогу. Люська: “Куда?” Ясно ей, конечно, куда: Санька, любовница, недалеко живет. Тяглов прет. Люська взвизгнула: “Не пущу!” Хватъ мужа за трусы, резинка лопнула, они и упали. Но Тяглов столько срама перенес в предвыборной борьбе, и что ему там какие-то трусы! Он гордо через них переступил и пошел к Саньке. Голый. Стоял октябрь уж на дворе...

Электорат местный был в восторге. И Кашарино, и Лазоревка в полном составе на выбо-рах голосовали за Тяглова. Жаль, все равно он проиграл – в округе три района, и дальние избиратели ничего не знали про Саньку и любовное горение. Недоработали СМИ.

Красота – категория социальная

У шофера Суховерхова двое детей, и младшенькая, Сонечка, симпатичная, сообразительная: пошла в первый класс, а учится на одни пятерки. Сидит воскресным вечером суховерховская семья у телевизора, слушает умные аналитические программы. Сонечка молчала-молчала и вдруг говорит, показывая на Николая Сванидзе пальчиком:

– Пап, неужели у этого дьявола есть жена?

Суховерхов аж поперхнулся: он молоко из кружки прихлебывал. Вся семья по широкой шоферской спине стала колотить кулаками. Еле откачали беднягу.

Что правда, то правда, не на кого в телевизоре теперь поглядеть, путевых людей почти не бывает. Настя Костина и Таня Ушкова соберутся у колонки побалакать, так стоят долго. Вся обсудят и до телевизора дойдут. Настя вспоминает:

– В году 74-м, бывало, пойду я к Лиде Мостиковой телевизор смотреть – на свой еще не насобирали. А у Лиды, помнишь, сожитель тогда был, Миша. И вот показывают Людмилу Зыкину – а она – полная да хорошая. Я и кажу:

– Гляньте какая она красивая!

Миша аж подскочит:

– Это моя невеста была! Я ж москвич!

Лида:

– Тебе кого ни покажи, ты с ней был!

И задрались...

...А теперь, конечно, людей таких нет. Не из-за кого драться. И будь на месте Тяглова, допустим, Сванидзе, разве Люська стала бы его за труссы хватать?!...

Таня Ушкова тему длит:

– И правда, где они их насобирали, таких гадких, в телевизор: то картавые, то шепелявые, то нечесанные, ну прямо нечистая сила! Вчера вон престольный праздник какой был, так они весь день показывали в рекламе бабьи притыки! Весь день! Специально, что ли?!

Настя Костина мелко крестится и, поглядывая в сторону церкви из красного кирпича, вздыхает:

– Ой, Господи, пропал мир!

Вещание продолжается

За всю Лазоревку не скажу, но Антон Костин Гаранта конституции всегда недолюбливал. Особенно Костин раздражался, когда президент обращался с телеэкрана к зрителям: «Дорогие друзья!»

– Какие ему тут друзья? – бушевал Антон. – За такие слова его выгнать надо и всё. Нашел друзей...

И вот – свершилось. Сам ушел. Антон Костин и Шабалатов в очереди за хлебом обсуждают судьбу Первого президента.

Шабалатов:

– Теперь он поедет на дачу жить, до Аяцкова. Там ему хоромы выстроены.

Антон:

– Да ну, поедет во Францию или в Америку.

– А че эт он туда?

– А где ж ему жить?! Тут и на улицу выйти стыдно...

А Насте Костиной Путин не нравится:

– Поехал в Чечню на Новый год и ножики солдатам раздал! Нашел подарок! Ну кто ему такое присоветовал?!.. На Новый год – ножики. Чтоб весь год дрались...

А Сереже Лебедеву Путин нравится. В редкие трезвые минуты Сережа коряво хвалит нового лидера:

– Он, это, как его, патриот!

...Лежит, лежит Лазоревка в снегах. Словно во сне заколдованном. Вечером идешь по скрипучему насту – изредка собаки брехнут, улицы темны, и только окна в домах синим светятся. Время новостей. Слушают лазоревцы большую страну. Вжимаются в кавказские горы наши солдатики, детишки наши. “Там их покروшили!” – вздыхает Настя Костина, и долго, долго не может потом заснуть.

Тихо, тихо в Лазоревке. Несколько порядков домов. Обширный, утыканный крестами погост. Пригорок в центре села. И – церковь. С неё и идет «вещание» на тихую, сумеречную деревню...

2000

Неизвестный народ

Сначала я увидела горы. Вершины их были сияющими, чистыми, такими, будто никто до меня на них не смотрел. Вечные горы. Красота и – смерть?! Горы остропикие и горы сторбленные, горы – как собравшиеся плечом к плечу великаны. А люди – внизу. На равнине и в предгорье. В домах и селениях. В окопах и бэтээрках. В пещерах и на площадях... Я приехала в Чечню. Вторая за десятилетие война, 2000-й год.

А что мы, русские, знаем о чеченцах? Ничего мы о чеченцах не знаем. Мы, русские, сами о себе ничего не знаем...

В Чечне, в Урус-Мартане, семья Гадаевых подарила мне редкую книгу «Кавказцы», 1823-го года издания. Вот что пишет составитель Семен Броневский: «Чеченцев разделить можно по приличию 1) на *Мирных*, 2) *Независимых*, 3) на *Горных Чеченцев*. *Мирные*, то есть покоренные оружием, живут по правому берегу Сунжи в 24 деревнях... Имея в своем владении плодороднейшие земли, пахотные и сенокосные, при изобилии вод и лесов, упражняются в земледелии и скотоводстве... *Независимые* или *неприянные Чеченцы* живут, начиная от подошвы Черных гор на полдень, в самые горы до высокого шиферного хребта, по рекам, впадающим в Аксай и в Сунжу. В число сих независимых Чеченцев находятся отделения, называемые собственно *Горными Чеченцами*... Они-то славнейшие в Кавказе разбойники».

Далее автор описывает традиционный разбой местных жителей: малые шайки от 5 до 20 человек перебираются через Терек, таясь, подстерегают неосторожных путешественников, или «работающих в полях худо вооруженных земледельцев». Когда добыча захвачена, ее переправляют в Чечню, и если пленник зажиточный человек, офицер или купец, то его «приковывают за шею, за ногу и за руку к стене, худо кормят, не дают спать и потом через несколько дней приносят бумагу, перо и чернило». Назначается выкупная цена, письмо через третьи руки доходит в Россию. Если же пленник простой человек, то его продают на базаре в Андреевской деревне. Старых и увечных определяют в пастухи.

Составитель книги заключает: «Таково главнейшее упражнение Чеченцев, обнаруживающее зверский их образ жизни в высшей степени». А что же Мирные Чеченцы? «Мирные Чеченцы, не смея то же делать явным образом, помогают своим соседям, покрывая их разбои...»

К чему эти пространные цитаты? К тому, что из песни слов не выкинешь. Отстреленные пальцы, видеокассеты с мучениями пленников, долларовые цены за заложников – лишь «модернизация» старинного промысла. Будем откровенны – в одной же стране живем – этим грязным «бизнесом» в 90-е годы занимались не латыши с украинцами, не евреи с азербайджанцами, а чеченцы. В подавляющем большинстве случаев.

Нигде так часто не услышишь слово «Родина», как на Северном Кавказе. Отечество, Отчизна, Отчий край... Мужчины говорят о Родине с большим чувством и с большой любовью. Здесь всегда будут писать это слово с большой буквы. Не чеченец, правда, а осетин высказал мне свою обиду: «Слушал сегодня «Русское радио», а там ведущий, Фоменко, со словами играл. Болтал, болтал, забалтывал, и получилось у него не «Родина», а «Уродина». Так и сказал: «Наша уродина». Ну нельзя же так!»

Кошмар! Какой чеченец, или осетин, или карачаевец, или ингуш будет нас уважать?! Название-то какое: «Русское радио»? Фамилия-то какая, малороссийская, – Фоменко! Это ж не Арби Бараев! Мы, наверное, очень сильны, если можем хихикать над святыми понятиями.

Из письма Президенту России Б.Н. Ельцину от жителей станицы Ассиновская: «24 мая похищенная из своего дома восьмиклассница Лена Назарова была зверски изнасилована группой из шести человек. В апреле 1994 года насильно изгнана из дома семья Съединых: мать,

дочь и ее трое детей. Их жилье захвачено чеченцами. Семья вынуждена скитаться. 13 мая 1994 года. Вооруженные бандиты врываются в дом Каминиченко. Зверски избиты мать и бабушка. Тринадцатилетняя Оксана изнасилована и увезена в неизвестном направлении».

Из письма жителей Наурского и Шелковского районов Черномырдину, Шумейко и Рыбкину: «Забит до смерти А.А. Просви́ров, расстрелян за рабочим столом замдиректора Калиновского СПТУ В. Бе́ляков, ранен и ослеп директор этого училища В. Плотников, зарезан и сожжен начальник нефтекaчки А. Быков, зарезана бабушка 72 лет А. Подкуйко...»

И еще 250 тысяч русских, вышвырнутых из Чечни – какой газеты или какой книги хватит для описания их страданий?! Хочется спросить: что же наше русское радио, русское телевидение и русское правительство, такое улыбочливое, ироничное, раскованное, такое всесильное и вальяжное их не защитило, бросило на поругание?! Мы, русские, ничего о себе не знаем, и знать, видимо, не хотим...

Но вернемся в дом Гадаевых, дом, где я провела одну из гостеприимных «чеченских» ночей.

В дом меня привел хозяин – Султан Гадаев, начальник управления культуры Грозного. А жена его, Алла Георгиевна, учительница начальных классов. Русская. Правда, совсем, на мой взгляд, очечененая – в чертах лица, причёске, одежде, манере говорить. Но и хозяин «оевропее» – в отношениях супругов я не уловила никакой восточной церемонности. И квартира у них городская, в несколько комнат. А детей – четверо. Старший, Рустам, в Нальчике живет. Девочки-близняшки, Карина и Марина, считай, определенные: Марина вышла замуж, ждет ребенка.

А младший сын, Тимур, дома. Он закончил школу. Смуглый, высокий подросток. За время нашего разговора Тимур не проронил ни слова. Только время от времени подходил к буржуйке, подкладывал в неё дрова – сырые ветки орешника. Печка установлена в комнате на кирпичках, труба выходит в окно... Мы говорим о войне, о прошлой жизни, о том, что нас ждет впереди. «Тимур вырос, а у него даже мечты никакой нет, – грустит мать, – ведь последние годы мы перебивались как могли. То дрова собирали, то по подвалам прятались, то от войны бегали. Осталось одно богатство – дети». Мы сидим в совершенно пустой комнате. Только два стареньких кресла, журнальный столик у стены и диван. На окне нет занавесок, а в самом окне вместо стекол – целлофан. И потолок – в трещинах. И на стенах – следы осколочных ранений.

Но есть электричество, и мы рассматриваем фотоальбомы – свидетельства прошлой, счастливой жизни. Вот Султан в молодости – ах, какой красавец! А вот Аня в черкеске – терская казачка – танцует в самодеятельности. А вот они вместе – завидная пара. Местная газета публикует в сентябре 1976 года заметку о Гадаевых «Семейное счастье». Пожелтевшая газетная правда среди множества фотографий – Первое сентября, огромные банты близняшек, серьезные урус-мартановские пионеры вместе с педагогами на Мамаевом кургане, девочки в национальных костюмах, концерт на центральной площади... Какие счастливые лица! Неужели все это с нами было?!

Свет внезапно гаснет. Хозяева зажигают свечу. Слышно, как на окраине города начинает работать артиллерия – глухие громовые раскаты. «Это моя Родина, – говорит Алла о Чечне, – и мне за нее обидно...» А Султан рассказывает, как мародерничают вэвэшники и омовцы, и что в каждом подразделении есть «мочило». Он сам попадал в первую войну в такие ситуации на блокпостах, что «спина становилась мокрой». А от федералов все ждут справедливости...

Утром я проснулась от пения петухов – в Урус-Мартане, в основном, частные дома. Сельская идиллия время от времени перемежалась артиллерийскими залпами. Но петухи все равно пели. Они, видимо, и не такое пережили.

Покидая этот гостеприимный дом, я хотела спросить у хозяев: как же так вышло, что вы, такие разумные, начитанные, образованные люди, посадили себе на шею бандитов и насильников, грабителей и убийц? Но я ничего не спросила.

Чеченцы, и не только благополучная семья Гадаевых, но и представители какого-нибудь мафиозного клана, грабящего московские офисы, имеют полное право спросить: а что же вы, русские, посадили себе на шею такое правительство, что вас погнали отовсюду – из Чечни и Прибалтики, из Таджикистана и Казахстана? Нам-то, «славнейшим на Кавказе разбойникам», простительно, а вам? И это народ – Александра Невского, Дмитрия Донского, Михаила Кутузова, Георгия Жукова?! Мы, русские, забыли о себе все...

Известная журналистка пишет о первой чеченской войне: «Из города по дамбе пришли в чернореченский штаб [боевиков] человек десять солдатских матерей. Ходят пешком по Чечне, ищут сыновей... Одна пара – муж и жена – ищет сына. Он срочник, воинская специальность – снайпер. Показывают фотографию... Командир боевиков пожимает плечами: нет, не видали такого, не попадался... Они уходят. Командир вдруг говорит: «А этот сын их. Снайпер... Расстреляли мы его на той неделе. Вон под тем деревом он зарыт. В плен их тогда взяли. Двое молчали, а этот стал рубаху рвать: «Я вас, гады, убивал и буду убивать!» Ну куда его? Расстреляли. А молчал бы – ничего б ему не было. Обменяли бы потом на наших».

Нужны ли комментарии? Боевик – благородный человек, и журналистку приютил, и родителям, как явствует из того же текста, хлеба дал. А мальчишка-снайпер – ну, вроде дурачка. С чеченцами в храбрости вздумал состязаться... Глупец?

И вот я сижу в доме Исы Тимаева среди чеченских женщин. На кухне. А мужчины во дворе жарят шашлык. Это чисто чеченская семья, и жена Исы, Фатима, строго обычаи соблюдает: как гостей принять, как мужу ответить, как детей воспитать. Младшей дочке нет еще, кажется, и года, но и она молкнет в присутствии мужчин, и зря глаза никому не мозолит. Умеют в Чечне растить детей.

Мы разговариваем на кухне, за столом, попиваем чай, и компания собралась приличная: хозяйка, Фатима, родственницы Шура и Бэла; беженки из Ведено, которые живут в доме Исы – Таисия и Седа; и я – гостыя московская. Поначалу пошли разговоры про войну, обиды: про пьяных эмчезовцев, бомбежки, погибшее Комсомольское, про неправый суд, грубость и оскорбления федералов, про вымогательство вэвэшников и омовцев, – я молчала. В словах чеченок было много правды, но я-то им свою сказать не могла! И тогда женщины стали вспоминать хорошее – как незнакомый офицер шепнул родителям одной из женщин, когда их выселяли в Казахстан, взять всё необходимое, какие замечательные подружки были у Фатимы, когда они с мужем жили в Красноярске, как нравится Седе Москва – она прожила в ней почти год... И какая прежде была замечательная жизнь – все дружили, ездили по всему СССР, и к ним приезжали, и главное – не было войны...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.